

И. Л. Калечиц,
кандидат исторических наук,
Белорусский государственный
университет культуры и искусств

ОТРАЖЕНИЕ КНИЖНОЙ ТРАДИЦИИ В ГРАФФИТИ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ (ПОЛОЦК)

Граффити Спасо-Преображенской церкви Полоцкого Свято-Ефросиниевского монастыря разновременны по дате нанесения – от XII до XIX в., включают в себя поминальные надписи, которые строятся по схеме «месяца NN в NN день преставился (или преставилась) раб Божий (раба Божья) NN», надписи типа «тут был», фрагменты богослужебных текстов, рисунки, фрагменты алфавитов. На территории Беларуси сохранилось незначительное количество рукописных памятников, книг и грамот, которые датируются самым ранним периодом. Поэтому в ряде случаев граффити могут стать отражением как книжной традиции, так и речевых особенностей жителей средневекового Полоцка.

Так, например, интересно употребление в поминальных надписях названий месяцев. Такой древний источник, как Остромирово Евангелие дает нам народные названия месяцев: *сухий, березозол, изок* и т.д. В то же время в граффити только в одной надписи встречается употребление народного названия: *месяца марта сухая* [1, с. 267]. Все остальные названия представлены «по римлянем» – так, как они называются в римском календаре. Стопроцентного совпадения все же не наблюдается: названия подвергались речевой адаптации: утрачивалось латинское окончание, появлялись вставные согласные, заменялись согласные, близкие по месту образования, например: *февраря, авуста, априля, генваря* и т.д. Современные названия месяцев в белорусском языке свидетельствуют о том, что в употреблении в основном были народные названия. В то же время в богослужебных книгах Средневековья употреблялись латинские названия, иногда с комментариями, например: *месяца марта рекома сухая*. На наш взгляд, употребление в граффити именно латинских названий месяцев – дань книжной традиции, показатель образованности писавшего, как, впрочем, и сама «формула» поминальной надписи, в которой упоминается именно слово *преставился* вместо *умер*. Надписей со словом *преставился* значительно больше.

В ряде граффити встречается цитирование богослужебных текстов – больше в алтарной части, некоторое количество нанесено на столбы. Это, например, гласы на литургии, стихиры и т.д. Они

написаны по памяти, так как богослужение было неотъемлемой частью жизни средневекового человека, и многие тексты он помнил наизусть. Интересно, что в таких надписях также встречаются неточности. Например, в граффито жертвенника «глас 9...» вместо буквы «фита», обозначающей цифру 9, написана «ф», обозначающая 500 [1, с. 245]. Это связано с тем, что обе буквы передавали один и тот же звук, хотя и обозначали разные цифры. В стихире на литии, глас 2, записанной на восточной грани северо-восточного столба, вместо *навекы* написано *на веки* [2, с. 35]. В граффито жертвенника имеет место надпись с перестановкой цифр, которая могла быть сделана, предположительно, алтарником, не в полной мере знавшим цифры, в надписи на столбе отражены особенности речи писавшего.

Довольно часто в надписях, начиная с XIII в., встречается употребление «и десятеричного», мягкого «ц», т.е. особенностей, которые отражены и в надписи на кресте Ефросинии Полоцкой.

Отражение книжной традиции, а именно оформление рукописных книг, написание в столбец, также присутствует в надписях-граффити. Грань каждого из четырех восьмигранных столбов церкви в ширину равна приблизительно 48 см. Несмотря на это, только более поздние одиночные надписи, начиная с конца XIV–XV в., вытянуты на всю ширину грани, остальные написаны в несколько строк, хотя места справа и слева достаточно. Вторая и последующие строки начинаются строго под первой. Если некоторые строки искривлены, то последующие стремятся к выравниванию. Некоторые надписи, на взгляд современного человека, могут быть абсурдными по способу нанесения. Так, в граффито о смерти Евфимии в последнюю строку вынесена только одна буква, хотя надпись по размерам небольшая, 6,5x12 см, и места вокруг было достаточно [2, с. 35]. При этом почерк писавшего свидетельствует о том, что человек хорошо знаком с традициями письма, буквы аккуратны и даже немного вычурны. Мы полагаем, что такое написание – это перенос в граффити навыков письма, которыми владели образованные люди того времени. Подобное оформление: столбец текста и довольно большие поля, заполненные или не заполненные орнаментом – присутствует и в средневековых книгах.

Орнаменты также представлены в граффити. Это, в основном, ромбы и плетенки, характерные для XIV в. [1, с. 264], а также изображения драконов, присутствующие в тератологическом орнаменте XII–XIV вв. У драконов открытые пасти, рогатые головы, шеи продолжают косичками-плетенками. Такие изображения, в основном, находятся в жертвеннике [1, с. 266].

Таким образом, мы видим, что люди, наносившие граффити на

стены Спасо-Преображенской церкви, были хорошо знакомы с письменной традицией и оформлением книг. Такие особенности, как употребление книжных названий месяцев, цитаты из богослужебных книг, а также способы оформления текста и украшения книг отражены в граффити данной церкви и находят параллели среди надписей других церквей Древней Руси. Безусловно, этот вопрос заслуживает более глубокого изучения, но даже приведенные данные дают нам некоторое представление о книгописании в средневековой Беларуси.

1. Калечыц, І. Л. Эпіграфіка Беларусі X–XIV стст. / І. Л. Калечыц. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 271 с.

2. Калечыц, І. Л. Графіці на слупах Полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы / І. Л. Калечыц // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 5. – С. 32–37.